

О.И. ЧУДОВА

(Пермский институт экономики и финансов,
г. Пермь, Россия)

УДК 821.161.1 (Достоевский Ф.М.)
ББК Ш5 (2Рос=Рус) 5

ПОДПОЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ВОСПРИЯТИИ Ф.Н. ГОРЕНШТЕЙНА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА «МЕСТО»)

Аннотация. В статье анализируются характерологические переклички романа Ф.Н. Горенштейна «Место» с произведениями Достоевского. Основное внимание уделяется сопоставлению образа главного героя Гоши Цвибышева с Подпольным человеком. В заключение делается вывод о принципиально различном понимании авторами концепции «живой жизни».

Ключевые слова: Достоевский, Горенштейн, рецепция, подпольный тип героя, живая жизнь, идея.

Подпольный парадоксалист занимает особое место в системе характеров Достоевского. Е.И. Кийко считает, что «принцип построения образа центрального героя» «Записок из подполья» «впоследствии обусловил своеобразие художественной структуры романов Достоевского»¹. А.П. Власкин отмечает, что «социально-идеологическая значимость открытого духовного феномена [подполья. – *О.Ч.*] <...> послужила Достоевскому основой для широких типологических обобщений», что «в романах идет его разработка, и оно из неповторимо индивидуального комплекса обращается почти в неизбежный духовный опыт трагических героев-идеологов»². А.Б. Криницын называет подпольными героями и идеологов пятикнижия – Раскольникова, Свидригайлова, Ставрогина, Кириллова, Ивана Карамазова³. По мнению исследователя, именно присущая этим героям «подпольная психология» объединяет их в тип и делает «узнаваемыми как “героев Достоевского”»⁴.

Ф.Н. Горенштейн ориентируется на достоевский тип в целом, однако значимыми для него оказываются не только «гомогенные» характеристики героев, объединяющие их в тип, но и сугубо индиви-

¹ Кийко Е.И. Комментарии // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. : в 30 т. Л. : Наука, 1973. Т. 5. С. 378.

² Достоевский: Эстетика и поэтика: Словарь-справочник. Челябинск : Металл, 1997. С. 106.

³ Криницын А.Б. Исповедь подпольного человека. К антропологии Ф.М. Достоевского. М. : МАКС Пресс, 2001. С. 9.

⁴ Там же. С. 29.

дуальные, присущие отдельному образу. Зачастую в образах своих персонажей он совмещает черты разных героев Достоевского. Предметом осмысления и художественной трансформации для Горенштейна являются как типы и подтипы Достоевского, так и отдельные образы.

В ряду возможных литературных прототипов главного героя романа «Место»⁵ Гоши Цвибышева исследователи часто называют Подпольного человека (Л.И. Лазарев, В.Н. Топоров, Л. Цыткин), Раскольникова (А.М. Зверев, Ф.С. Капица, Л.А. Аннинский), Аркадия Долгорукого (Л.А. Аннинский). Рассмотрим некоторые из отмеченных параллелей более обстоятельно.

В «Месте» имеются фабульные аналогии с повестью Достоевского «Записки из подполья». Так, подробно описанный Подпольным случай на Невском, когда он после долгих приготовлений все же не уступил офицеру дорогу, «не уступил ни вершка и прошел мимо совершенно на равной ноге», находит отклик в рассказе Гоши о том, как после реабилитации он шагал по тротуару, «грудью разбивая встречный людской поток и не уступая никому дороги». Финальная сцена с Лизой, в которой Подпольный человек «со злости», «от дурной головы» вкладывает в руку героини деньги, повторяется в «Месте», когда Гоша на предложение Нади продолжить их отношения хочет ответить «какой-нибудь грубостью» и после некоторых размышлений, «криво улыбнувшись», подвигает к ней три рубля.

Названные произведения сближает и сам тип главного героя. Есть все основания считать Гошу Цвибышева – подпольным героем. Подпольный парадоксалист – типичный представитель своего времени и своей среды. Об этом писал сам Достоевский, который видел значение «Записок...» в изображении «настоящего человека русского большинства»⁶. Показательна также характеристика героя, содержащаяся в предисловии к повести: «Такие лица, как сочинитель таких записок, не только могут, но даже должны существовать в нашем обществе, взяв в соображение те обстоятельства, при которых вообще складывалось наше общество. Я хотел вывести перед лицо публики, повиднее обык-

⁵ Над «Местом» Горенштейн работал с перерывами в течение нескольких лет: роман создавался в период с 1969 по 1972 годы, в 1976 был дополнен. Журнальные версии романа появились только в конце 1980-х-начале 1990-х за границей (Время и мы. 1988. № 100, 102), а затем и в России (Знамя. 1991. № 1-2). Полный текст романа был опубликован в 1991 году в Москве; с этой книги началось издание трехтомного сборника избранных произведений писателя. В 2012 году роман был напечатан издательством «Азбука».

⁶ *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч. : в 30 т. М. : Наука, 1972-1990. Т. 16. С. 329.

новенного, один из характеров протекшего недавнего времени. Это – один из представителей еще доживающего поколения» [99]⁷.

Гоша Цвибышев также показан Горенштейном как своего рода «продукт» эпохи позднего сталинизма и хрущевской «оттепели». Охватившие героя после реабилитации эмоции, а также совершаемые под их воздействием поступки оказались, как он впоследствии выяснил, предельно типичными:

«Приняли меня именно за того, кем я был, то есть за реабилитированного... То, что я считал лишь собственным чувством, тогда было распространено» [217]⁸; «Чувства, обуревающие меня, не могли быть исключительными в той массовой лихорадке, охватившей общество» [315]. Более того, даже тайная мысль героя возглавить Россию оказывается «массовой и лишенной личного смысла», что приводит его к выводу о том, что оригинальных идей не существует [826].

Прямые параллели можно обнаружить в биографиях героев, начиная с детства и юности: у того и другого раннее сиротство, жизнь на попечении дальних родственников, чье пренебрежительное отношение заставляет их чувствовать себя забытыми и униженными. Оба героя занимаются противным для себя делом. Подпольный человек ненавидит свою службу: «Я служил, чтоб было что-нибудь есть (но единственно для этого)» [101]. Гоша также признается, что «работу ненавидит», но боится ее потерять, так как не может рассчитывать на другую.

Опираясь на научные работы о «Записках...» (Н.Ф. Будановой, Н.В. Живолуповой, А.Б. Криницина, Р.Г. Назирова, В.А. Свительского⁹ и др.), назовем характерные особенности, присущие Подпольному человеку, и попытаемся обнаружить их в герое Горенштейна. Прежде всего, это болезненное самолюбие («Я, например, ужасно самолюбив» [103], «Я мнителен и обидчив» [103]); тщеславие («Я тщеславен так, как будто с меня кожу содрали, и мне уж от одного воздуха больно»

⁷ Здесь и далее цит. по: *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч. Т. 5 (с указанием страницы в тексте статьи).

⁸ Здесь и далее цит. по: *Горенштейн Ф.* Избранные произведения: в 3 т. М.: Слово, 1991. Т. 1 (с указанием страницы в тексте статьи).

⁹ См.: *Буданова Н.Ф.* «Подпольный человек» в ряду лишних людей // *Русская литература.* 1976. № 3. С. 110-122; *Живолупова Н.В.* Внутренняя форма покаянного псалма в структуре исповеди антигероя Достоевского // *Достоевский и мировая культура.* М.: Классика плюс, 1998. № 10. С. 99-106; *Криницын А.Б.* Исповедь подпольного человека. К антропологии Ф.М. Достоевского; *Назирова Р.Г.* Об этической проблематике повести «Записки из подполья» // *Достоевский и его время.* Л.: Наука, 1971. С. 143-153; *Свительский В.А.* Что такое «подполье»? (О смысле одного из ключевых понятий Достоевского) // *Индивидуальность писателя и литературно-общественный процесс.* Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1979. С. 71-80.

[174]); постоянное стремление к самоутверждению за счет унижения других людей («Без власти и тиранства над кем-нибудь я ведь не могу прожить...» [75]); духовное самобичевание, заставляющее испытывать «подленькое наслажденье» («Усиленно сознавать, что вот и сегодня сделал опять гадость, что сделанного опять-таки никак не воротить, и внутренно, тайно, грызть, грызть себя за это зубами, пилить и сосать себя до того, что горечь обращалась наконец в какую-то позорную, проклятую сладость и наконец – в решительное, серьезное наслаждение» [102]); озлобленность на мир, которая является следствием постоянного унижения из-за бедности, «мизерности и пошлости» («Я до того был на всех озлоблен» [168]); презрение и даже ненависть к окружающим («Всех наших канцелярских я, разумеется, ненавидел, с первого до последнего, и всех презирал» [125]); неспособность выстроить с ними нормальные отношения, результатом чего является постоянное одиночество («Жизнь моя была уж и тогда угрюмая, беспорядочная и до одичалости одинокая» [124]).

Обостренное чувство собственного превосходства сочетается в нем с ощущением рабской приниженности по отношению к другим, которых он «то презирает, то ставит выше себя». Его не покидает ощущение, что он «муха, перед всем этим светом, гадкая, непотребная муха, – всех умнее, всех развитее, всех благороднее, – это уж само собою, – но беспрерывно всем уступающая муха, всеми униженная и всеми оскорбленная» [130]. Глубоко презирая окружающих, герой, тем не менее, вследствие своего непомерного тщеславия, превыше всего ставит их мнение о самом себе, остро реагирует на всякое замечание, «до болезни» боится быть смешным: он признается, что Зверков его «ододел» потому, что «смех остался на его стороне». При столкновении с офицером он испугался не того, что его «больно прибьют и в окно спустят», а того, «что все присутствующие ... не поймут и осмеют». Еще в школьные годы герой возненавидел своих товарищей и «заключился от всех в пугливую, уязвленную и непомерную гордость» потому, что они встретили его «злыми и безжалостными насмешками», которых он не мог переносить.

Подобно своему литературному предшественнику, Гоша самолюбив («Я был о себе весьма высокого мнения» [19]; «Я ревниво оберегал ... ощущение собственной исключительности» – 315), тщеславен («Я же, при всем своем тщеславии» [95], «тщеславие проклятое, которое давно мне не по карману» – 189) и из-за этого уязвим («Человек тщеславный бывает одновременно весьма стеснителен, ибо дорожит посторонним мнением» – 575), высокомерен по отношению к другим (по его мнению, «все жильцы общежития были уродливы, провинци-

альны и старомодны» – 38) и именно поэтому одинок («Я в этом городе совершенно одинок» [17], «Я человек одинокий» – 72). Он постоянно стремится найти повод для самоуважения, однако чаще всего это приводит к самоунижению, перерастающему в «духовное самотиранство». Например, переехав из провинции в город, он в первый же день решает «приобщиться к хозяевам», «к тем, кто диктует городу свои условия», и запрыгивает на ходу в трамвай, тем самым «намеренно нарушает правила». В итоге он больно ударяется лбом, едва не роняет чемодан, что вызывает смех других пассажиров и гнев кондукторши.

Как и Подпольный, Гоша испытывает трудности в общении. «Я человек нелюдимый в принципе, и поэтому друзей у меня нет» [472], – говорит о себе герой. В отношениях с другими он предпочитает либо унижаться, рассчитывая на покровительство (таково его общение с Михайловым и даже с самим городом, к которому он чувствует «робкое уважение, чуть ли не как к важному лицу, покровительство которого хочется заслужить» [119-120]), либо доминировать, подавлять другого (как в случае с Колей и Висовиным). Дружба Гоши с Колей напоминает отношения Подпольного человека с его единственным другом: он ведет себя как «деспот», стремится подчинить «своей власти», стать для него авторитетом, ограничить влияние на него других людей. Про себя он даже называет Колю своим подданным. Важно, что и Колю, и Висовина Гоша предает, хотя они были самыми близкими для него людьми.

Как и в случае с Подпольным человеком, осознание собственной мизерности, никчемности угнетает и ожесточает героя Горенштейна («нужда <...> становилась мучительной и озлобляла меня» [187]). После очередного унижительного для него визита к своему покровителю он испытывает приступ ярости и позднее признается: «Что творилось у меня тогда в душе, понять трудно. Это была душа злодея, порожденная дикой обидой на жизнь. В те страшные мгновения стыда, отчаяния и злости я мог бы убить ребенка...» [32].

После реабилитации Гоша совершенно меняется («реабилитация не прошла даром» [271], «реабилитация не изменила моих даже самых насущных проблем, но совершенно изменила меня» [273], «ныне, благодаря реабилитации (и тут следует отдать ей должное), все изменилось» – 309): им овладевает желание «расплатиться за проклятый даровой хлеб справедливым камнем» [226]. Он все чаще начинает испытывать приступы «политической ненависти» к «сталинским сволочам». Гоша сам выделяет этапы своего «самоутверждения»: первый – характеризуется состоянием «детской радости, восторженности и благодушия, связанным с переходом от полного бесправия к пра-

вам», на втором – появляется «ожесточение» и потребность в «удовлетворении этого капризного ожесточения», в «бесперывных извинениях».

«Событием, которое определило последующие действия» героя, стало жестокое и беспричинное избиение им ни в чем не повинного человека. В момент драки, когда Гоша наслаждается своей силой, в его сознании рождается «формулировка новой идеологии»: «Вот как, оказывается, с вами жить надо... Сталинские твари» [272]. После этого он нападает на прохожих с политическими обвинениями, объясняя свои действия тем, что достигшая предела «капризная ярость» может быть удовлетворена лишь «постоянной расплатой». Ненависть ко всему миру полностью захватывает героя. Однако это чувство оказывается весьма мелочным: «Как ненавидел я все вокруг, можно судить по тому, что когда какой-то пожилой гражданин, споткнувшись о камень, упал, я искренне обрадовался. <...> Другой пример пусть менее заметен, но более удачен. Какая-то старушка выронила из кармана носовой платок. <...>. В прежние времена я обязательно окликнул бы старушку и подал бы ей платок. Ныне же я, наоборот, как бы невзначай наступил на платок ногой и отбросил его в канаву...» [275-276].

Жажда мести движет героем, он начинает «творить суд и расправу над гонителями своими». Важно, что общественные скандалы учиняются им только из тщеславного желания «оказаться в центре общества», стать участником «громкого политического процесса». Постепенно Гоша ощущает необходимость перехода от «анархической бесплановой ненависти к планомерным и продуманным действиям»: он составляет список «врагов», которым планирует отомстить, начинает «политическое патрулирование улиц» (подслушивает чужие разговоры и запоминает людей, «высказывающихся в пользу Сталина»), совершает теперь уже «идейные избиения».

Подпольный человек противоречив, раздвоен, склонен к крайним состояниям. Исследователи неоднократно отмечали присущие герою «одновременную способность к добру и злу», «противоречивость стихийных порывов» (А.Б. Криницын¹⁰); указывали на сложную «структуру характера, в котором “кишат” “противоположные элементы”» (В.А. Свительский¹¹), «парадоксальную субъектность», сущность которой заключается в контрастном сочетании подлости и честности

¹⁰ Криницын А.Б. Исповедь подпольного человека. К антропологии Ф.М. Достоевского. С. 25.

¹¹ Достоевский: Эстетика и поэтика. С. 72.

(В.А. Котельников¹²). Он доходит до крайнего ничтожества, но в то же время исповедует идеалы «прекрасного и высокого».

Подобная двойственность характера обнаруживается и в герое Горенштейна. «Я человек сложный, то есть во мне есть много противоположностей» [189], – говорит Гоша о самом себе. Он становится членом антиправительственной подпольной организации, но при этом утверждает, что «был бы преотличным патриотом», «консерватором», «столпом нынешней официальности», считает себя способным на «героическую смерть» во имя отечества.

В современном достоевковедении традиционным становится взгляд на Подпольного человека одновременно как на конформиста, «готового приспособиться к другим, если будет удовлетворено его мелкое самолюбие» (Р.С.-И. Семькина¹³), и как на нонконформиста (К. Кёлер¹⁴). К Гоше обе обозначенные характеристики применимы в полной мере: начав свою политическую деятельность с бунта против органов, он завершает ее сотрудником КГБ.

Достоевковеды считают Подпольного «эскапистом» (К. Кёлер¹⁵), «мечтателем, живущим исключительно своим внутренним миром» (А.Б. Криницын¹⁶). Мечтательность как способ отрешиться от действительности становится доминирующей чертой и в образе Гоши. Герой утверждает, что именно «ущербность жизни» является причиной его «горячечных» мечтаний, которые «не имеют выхода в реальность» и компенсируют «убогие материальные потребности». Воображаемый мир заменяет ему реальный: герой признается, что, развратив себя мечтами о красивых женщинах, он на обычных «смотреть не может».

В определенный период жизни оба героя погружаются в «темный, подземный, гадкий» разврат, причем делают это с надрывом, болезненно. «Страстишки во мне были острые, жгучие от всегдашней болезненной моей раздражительности. Порывы бывали истерические, со слезами и конвульсиями» [127], – откровенничает Подпольный. Гоша говорит о «юношеской лихорадке», о «порочных слабо-

¹² Котельников В.А. «Распад атома» Г. Иванова и «Записки из подполья» Достоевского // Достоевский и русское зарубежье XX века. СПб. : Дмитрий Буланин, 2008. С. 121-122.

¹³ Семькина Р.С.-И. Ф.М. Достоевский и русская проза последней трети XX века : автореф. дис. ... докт. филол. наук. Екатеринбург, 2008. С. 25.

¹⁴ Кёлер К. Антигерой у Достоевского, Сэмюэля Беккета и Юджина О'Нила (в сравнительном аспекте) // Достоевский. Материалы и исследования. СПб. : Наука, 2007. Т. 18. С. 279.

¹⁵ Там же. С. 276.

¹⁶ Криницын А.Б. Исповедь подпольного человека. К антропологии Ф.М. Достоевского. С. 9.

стях», которые охватили его и заставили забыть даже «антисталинские поползновения». Но если для Подпольного человека причиной «развратишка» является тоска, то для Гоши в разврате важна идея «крайнего индивидуализма», «признание за всем <...> лишь пассивности, подчиненности и взаимозаменяемости», поскольку, как полагает герой, «даже наслаждения ни от кого не зависят», а только от него самого [324].

Всепоглощающая ненависть и одержимость идеей отмщения также роднит названных персонажей. Подпольный мстит героине и миру за свои неудачи: «Надо же было обиду на ком-нибудь выместить, свое взять, ты подвернулась, я над тобой и вылил зло и насмеялся. Меня унизили, так и я хотел унизить; меня в тряпку растерли, так и я власть захотел показать...» [173], – говорит Подпольный Лизе. Его охватывает «чувство господства и обладания»: «Глаза мои блеснули страстью, и я крепко стиснул ее руки. Как я ненавидел ее и как меня влекло к ней в эту минуту! Одно чувство усиливало другое. Это походило чуть не на мщение!» [378]. В романе «Место» герой заявляет: «Ненавижу Россию», – и в бреду испытывает желание «оседлать ее, подмять под себя и мстить ей жестоко, властвовать над ней, как мужчина властвует над покорившейся ему женщиной в момент насилия...» [175].

Подпольный человек, который «весьма часто» недоволен собой, обнаруживает, что иногда «мысленно приписывает» свой взгляд окружающим. Эта психологическая особенность в герое Горенштейна доведена до абсурда. Гоша действительно верит, что живущая в общежитии кошка искусила и поцарапала его потому, что «ощутила его бесправие», герой терзается обидой и решает отомстить кошке, избив ее. В этой ситуации гипертрофированное тщеславие Гоши, оборотной стороной которого является максимальная уязвимость, проявляется в наиболее яркой форме. Подпольный человек также остро реагирует на каждый, казалось бы, незначительный бытовой момент: например, ожидая в ресторане своих «школьных товарищей», он с горечью замечает, что свечи внесли только к шести часам, а не сразу после того, как он приехал. Примеров такого рода в обоих произведениях можно найти множество.

Подпольный человек – один из героев-идеологов Достоевского. Гоша также является, по его собственному определению, «человеком идеи», суть которой состоит в убеждении, что мир рано или поздно завертится вокруг него как вокруг своей оси. Значительно позже, уже после вступления в подпольную организацию, идея героя отчасти видоизменяется, оставаясь прежней по сути. Теперь «великая дерзкая идея» Гоши заключается в стремлении стать правителем России.

Как и у Достоевского, у Горенштейна идея (в обоих ее вариантах) не выдерживает столкновения с жизнью, однако в «Месте», в отличие от произведений Достоевского, испытание идеи всегда изображается комически. В первый раз отказаться от своего «инкогнито» Гошу заставляет тот факт, что его выгнали из компании «столичной знаменитости». Именно там он впервые услышал обращенное даже не к нему слово «солипсизм», которое разрушило идею, казавшуюся ему оригинальной. Осмеянию подвергается и Гошино намерение возглавить правительство России. «А каково ваше кредо? Какой политический строй вы хотите установить в нашей многострадальной стране? Демократическую республику с вами во главе как с президентом? Или военную диктатуру? Или монархию?», – с издевкой спрашивают героя его противники, они иронически называют Григория Георгием Первым, а, узнав его настоящее имя, Григорием Отрепьевым, Гришкой-Самозванцем, даже «Жанной д'Арк в брюках», но при этом точно, хотя и в резкой форме, определяют сущность его личности: «Жалкий тип со вспухшим тщеславием...», обнажают абсурдность его притязаний: «И ты смел вообразить, Гоша, что мы отдадим тебе в управление нашу страну?... Да как ты смел даже и подумать?... Впрочем, я делаю ему честь, разве на такое реагируют всерьез?» [516-517].

Важно, что даже сочувствующий Гоше Журналист, который, по его собственному признанию, начинает в Гошу «верить», не может принять его желание абсолютно серьезно. «Вы, конечно, еще зрете, путаетесь, ищете свое... Но почему бы и нет?... В конце-то концов, да здравствует товарищ Цвибышев! Почему бы и нет?... Или вам по душе “ваше превосходительство”?... Кстати, каковы ваши политические взгляды?... Удивительное дело, шума много, мнений множество, но ясных политических взглядов ни у кого не поймешь...», – говорит он Гоше, который, в свою очередь, понимает, что хотя Журналист и начал говорить серьезно, но потом произошел «некий сатирический поворот, который он даже и сам не хотел допускать, просто выиграла его обличительная суть» [610-611].

Однако при многочисленных аналогиях между Гошей и Подпольным финал судьбы героев оказывается различным, почти противоположным. Как известно, герой Достоевского, не ответив на искренние чувства Лизы, навсегда остается в подполье, обнаруживает (и сам это сознает) неспособность к любви и состраданию, а, следовательно, по Достоевскому, невозможно жить «живой жизнью». Гоша, напротив, в финале обретает ту спокойную, устойчивую семейную жизнь, о которой мечтал с юных лет; отказавшись от всех политических притязаний, он сосредоточивает свою энергию на «великой и столь выстра-

данной идее» долголетия, средствами осуществления которой, по его мнению, являются «сон, аппетит и однообразие». Важно подчеркнуть, что понимание «живой жизни», противостоящей в обоих произведениях «подполью», у писателей принципиально различно.

По замыслу Достоевского, герой «Записок...» мог отказаться от своих «головных» идей, получить возможность выхода из подполья и способность жить «живой жизнью» только в случае обретения христианской веры, что подтверждается уже неоднократно цитировавшимися словами из письма брату о цензурном варианте произведения: «... уж лучше было совсем не печатать предпоследней главы (самой главной, где самая-то мысль и высказывается), чем печатать так, как оно есть, т. е. надерганными фразами и противореча самой себе. <...> Свиньи цензора, там, где я глумился над всем и иногда богохульствовал для виду, – то пропущено, а где из всего этого я вывел потребность веры и Христа, – то запрещено...» [375]. «Воссоединение с людьми возможно для него... только через воссоединение с “почвой” – с народной правдой и верой в Христа», – замечает А.Б. Криницын¹⁷. «Задуманный писателем “парадоксалист” и должен был помочь доказать, что истину нельзя мыслить вне Христа», – делает вывод Ф. Бельтраме¹⁸.

Гошу спасает не вера, а любовь, причем любовь земная, противопоставленная любви-состраданию Лизы в «Записках...». Уже после первой встречи с Машей Гоша понимает, что «рядом с ее любовью» он мог бы полностью измениться, от всего отказаться, отречься от желания управлять Россией, «довольствоваться судьбой скромного техника-строителя, даже полюбив и начав толково исполнять эту нелюбимую должность», согласился бы «поднятый Машиной любовью над всем миром» «всю жизнь прожить “инкогнито”, в личине скромной частички людской массы» [667]. «Вот уж поистине – как мало мне надо, хоть мечтаю я о всемирности» [667], – с восторгом думает герой, обнимая свою возлюбленную.

Он изначально воспринимает благополучную, спокойную жизнь как альтернативу жизни, подчиненной «глупой, съедавшей душевные силы идее-фантазии». Герой считает, что, «потеряв свою тайную мечту, веру в свое “инкогнито”, веру в идею, пережив и перестрадав, приобрел право на тихое благополучие» [115]. Именно после «утраты “великой идеи”» он начинает задумываться о «женитьбе» и «сытой ус-

¹⁷ Криницын А.Б. Исповедь подпольного человека. К антропологии Ф.М. Достоевского. С. 39.

¹⁸ Бельтраме Ф. О парадоксальном мышлении «подпольного человека // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 18. С. 142.

тойчивой жизни», о «тихой, здоровой и прочной жизни» он продолжает мечтать, работая в КГБ. «Моя жизнь круто изменится, придет другое общество, интеллектуальная женщина, черный двубортный костюм», – так размышляет Гоша и тут же, устыдившись, замечает: «То есть я, может, и не так мелко думал, но в мечтах и это мелькало...» [35].

В романе Горенштейна символом самой жизни становится койко-место в общежитии: «А койко-место – это постоянно и логично, как сама жизнь... Это и есть сама жизнь, и без койко-места человек утрачивает свое человеческое начало...» [132]. Именно с койко-местом связана для Гоши мысль о возрождении: он испытывает «приятную рыхлость и мертвость лежащего тела, ощущение, наступающее обычно в преддверии крепкого мертвого сна, после которого не просыпаешься, а возрождаешься» [133]. Такова «живая жизнь», по Горенштейну. Согласно авторской логике, она способна обесценить идею, смирить гордыню и тщеславие, заставить забыть обиды, отказаться от мщения, и, говоря словами писателя, «воскресить человека».

Любовь, семья спасает не только Гошу, но и Машу, которая также была увлечена современными идеями (сначала антисталинскими, потом просемитскими). Журналист напрямую связывает общественную активность дочери (создание общества имени Тоицкого, объявившее своей программой борьбу с антисемитизмом в России) с тем, что «в критический момент своего цветенья» она не встретила «мужчину, который бы ей соответствовал и естественно погасил бы ее женский порыв» [778].

Присущие Гоше «подпольные черты» роднят его и с героями ранних произведений Достоевского. Так, «Место» может быть соотнесено с комическим романом «Село Степанчиково и его обитатели», в котором уже возникают темы и проблемы позднего творчества Достоевского: подполья, авторитарной деспотии и безмерных притязаний «униженного человека, получившего власть»¹⁹. В образе Гоши очевидны аналогии с Фомой Фомичом Опискиным. Каждое из определенных весьма нелицеприятной характеристики Фомы («человек самый ничтожный, самый малодушный, выкидыш из общества, никому не нужный, совершенно бесполезный, но необъятно самолюбивый и вдобавок не одаренный решительно ничем»²⁰) встречается и в романе Горенштейна применительно к Гоше: «человеком мелким, ничтожным,

¹⁹ Достоевский: Сочинения, письма, документы: Словарь-справочник. СПб. : Изд-во «Пушкинский Дом», 2008. С. 164.

²⁰ *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч. Т. 3. С. 11.

чуть ли не туповатым» считает героя его покровитель Михайлов, начальство воспринимает его как «работника, негодного для выполнения плана», девушка, в которую Гоша влюбляется с первого взгляда, называет его «уродливым и противным».

Роднит названных героев самолюбие «самое безграничное», «особенное», «случающееся при самом полном ничтожестве», «самолюбие оскорбленное, подавленное тяжкими прежними неудачами». Тирания Фомы является, по сути, актом мщения за пережитые ранее унижения: «Низкая душа, выйдя из-под гнета, сама гнетет. Фому угнетали – и он тотчас же ощутил потребность сам угнетать»²¹. Мстительную потребность «угнетать» ощущает и Гоша после реабилитации. Литературоведы замечают, что Опискина от других честолюбцев-тиранов Достоевского (например, от Мурина из «Хозяйки», от Москалевой из «Дядюшкиного сна») отличает садизм и болезненное упоение своим садизмом²². Эти качества присущи и Гоше. Достаточно вспомнить эпизод, в котором герой «впервые избил человека». Гоша признается, что «подобные поползновения» возникали у него тогда, когда «становилось невозможно терпеть обиды».

В образе героя Горенштейна обнаруживаются определенные аналогии с князем Валковским из «Униженных и оскорбленных», который, как известно, является выразителем идеи крайнего индивидуализма, превыше всего на свете ценит собственное «я» («Не вздор – это личность, это я сам. Все для меня, и весь мир для меня создан»²³). Князь, подобно Опискину, – литературный предшественник более сложных героев того же плана – Подпольного парадоксалиста, Раскольникова, Свидригайлова, Ставрогина²⁴. Валковский настаивает на том, что причиной совершения добрых дел является удовлетворение собственных эгоистических чувств: «В основании всех человеческих добродетелей лежит глубочайший эгоизм. И чем добродетельнее дело, тем более тут эгоизма»²⁵. Гоша также размышляет об «эгоистически приятном добре» и сожалеет, что окружающие помогали ему «не из любви или хотя бы сострадания», а из «неких нравственных норм и обязательств», «словно ставили Богу свечку» [43].

Бедность, неустроенность, униженность, а также наличие тайной «наполеоновской» идеи позволяют исследователям проводить парал-

²¹ Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 13.

²² *Достоевский*: Сочинения, письма, документы. С. 165.

²³ Там же. С. 365.

²⁴ Там же. С. 183.

²⁵ Там же. С. 365.

лели между Гошей и Раскольниковым. Например, А.М. Зверев приходит к справедливому выводу, что герой Горенштейна – это «далекое, искаженное подобие Раскольникова, его слабый аналог, созданный фантазмагорией сталинского и послесталинского времени»²⁶. Параллели между героями очевидны. Так, в «Месте» один из членов подпольной организации говорит Гоше: «Вы способны убить из искренних убеждений... Не за деньги, а из убеждений» [444]. Данная характеристика заставляет вспомнить «идейного убийцу» Раскольникова.

Компания Ятлина, состоящая из подобных Гоше «жаждущих» молодых людей, высмеивая «инкогнито» героя, напрямую сопоставляет его идею с наполеоновской: «А ты не воображаешь себя Наполеоном?...» [516-517]. Упоминание здесь Наполеона отсылает не только к Подпольному человеку, представлявшему себя «великим» императором, но и к Раскольникову. У Горенштейна, как и у Достоевского, «наполеоновская идея рождается в подполье» (Р.Г. Назиров²⁷). Следует отметить, что и в «Преступлении и наказании», и в «Месте» звучит мысль о типичности поглотивших героев идей. Так, Порфирий говорит Раскольникову: «Кто же у нас на Руси Наполеоном себя не считает?». «В сегодняшней России гораздо больше людей, стремящихся к высшей власти, чем это кажется на первый взгляд» [808], – замечает один из второстепенных героев Горенштейна.

Оба героя одержимы «идеями “избранничества”». Раскольников дает себе право на убийство, поскольку убежден в своей «необыкновенности». Гоша ставит себя выше других только потому, что именно он «дерзнул», «решился» иметь желание управлять Россией. Оба героя находятся в плену собственных идеологических построений: неординарность, исключительность личности, по их мнению, является лишь следствием «великой дерзости помыслов».

А.М. Зверев указывал на ряд сюжетных параллелей между романами Достоевского и Горенштейна²⁸. На наш взгляд, особого внимания заслуживает пародирующий знаменитую сцену чтения Евангелия эпизод в больнице, когда старик-юродивый предлагает Гоше безграмотные стихи религиозного содержания. Горенштейн комически трансформирует ключевую для романа Достоевского сцену, иронически переосмысляет восходящий к его произведениям тип героя-юродивого, что позволяет сделать вывод о неприятии им изображенного Достоевским пути спасения Раскольникова через веру.

²⁶ Зверев А. Зимний пейзаж // Литературное обозрение. 1991. № 12. С. 21.

²⁷ Назиров Р.Г. Об этической проблематике повести «Записки из подполья». С. 148.

²⁸ См. подробнее: Зверев А. Указ.соч. С. 16-22.

Об интересе Горенштейна к «Преступлению и наказанию», проявившемуся в период работы над «Местом», свидетельствует прямое упоминание этого романа Достоевского в предисловии. Горенштейн не только называет этот текст Достоевского, но и сопоставляет с ним свое произведение, вспоминая, что классик «начинал писать “Преступление и наказание” от первого лица»²⁹. Размышляя над проблематикой своего романа, Горенштейн утверждает, что взаимоотношения с бесами неизбежно приводят к «духовной смерти», воскреснуть от которой так же трудно, как и от смерти физиологической, однако он верит, что «такие чудеса возможны». «Воскресение духовного мертвеца, воскресение человека, убитого разнообразными, разношерстными парнокопытными рогатыми личностями – вот идея, вот замысел романа “Место”»³⁰. Эти слова Горенштейна напрямую отсылают к сформулированной Достоевским «основной мысли всего искусства девятнадцатого столетия» (в том числе и своих произведений), которая, по мнению писателя, состоит в «восстановлении погибшего человека, задавленно-несправедливо гнетом обстоятельств, застоя веков общественных предрассудков»³¹. Сказанное позволяет предположить, что Горенштейн хотел создать свой вариант «Преступления и наказания», свою версию воскресения духовно погибшего человека, показать свой путь избавления от разрушающих личность идей, исцеления от непомерной гордыни и тщеславных устремлений.

Аналогии образа Гоши с героями произведений Достоевского (Подпольным человеком, Фомой Фомичом Опискиным, князем Валковским, Раскольниковым, Аркадием Долгоруким³²) дают основания полагать, что Горенштейн ориентировался на созданный Достоевским подпольный тип героя в целом. Обращаясь к этому типу, он, вслед за классиком, поднимал проблему «живой жизни», которая решалась им полемично по отношению к Достоевскому.

²⁹ Горенштейн Ф. Предисловие к роману «Место» // *Время и мы*. 1988. № 100. С. 32.

³⁰ Там же. С. 34.

³¹ Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. Т. 20. С. 28.

³² Сопоставлению образов Гоши Цвибышева и Аркадия Долгорукого посвящена статья: Чудова О.И. Аркадий Долгорукий как литературный прототип главного героя романа Ф.Н. Горенштейна «Место» // *Вестник ЛГУ имени А.С. Пушкина. Серия филология*. СПб., 2011. № 1. Т. 1. С. 67-74.